

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44
Л92

Camilla Läckberg
EN BUR AV GULD

Copyright © 2019 Camilla Läckberg. First published by
Bokförlaget Forum, Sweden. Published by arrangement with
Nordin Agency AB, Sweden

Фото автора на форзаце *Magnus Ragnvid*

Лэкберг, Камилла.

Л92 Золотая клетка / Камилла Лэкберг ; [перевод
с шведского Ю. В. Колесовой]. — Москва : Эксмо,
2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-105558-5

С раннего детства Фэй привыкла всего добиваться сама – ведь помощи ей ждать было не от кого. Приехав в Стокгольм из маленькой Фьельбаки, она поступила в престижный экономический вуз и стала там одной из лучших. Вместе с будущим мужем создала очень успешную компанию, придумав для нее блестящий старт-ап. Стала женой одного из самых богатых бизнесменов страны. Теперь у нее есть всё. Но «всё» – это не только хорошее... Она сама построила для себя золотую клетку, ключ от которой в руках ее мужа. Чем дальше, тем меньше он ее замечает, тем больше издевается над ней, изменяет. Для него Фэй стала чем-то вроде экзотического попугая, которого в любой момент можно завесить тряпкой, чтобы не слышать и не видеть. Вот только сама она считает иначе. Мужу еще предстоит узнать, что нет ничего страшнее оскорбленной женщины...

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-105558-5

© Колесова Ю.В., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ЧАСТЬ I

— *Может быть, она просто ранена?*

Она сидела, глядя в стол, не в силах встретиться с ним глазами.

Краткое сомнение. Потом сочувствующий голос:

— *Там очень много крови. Из такого маленького тела... Но я не хочу строить догадки, пока врач не сделал заключение.*

Фэй кивнула. Ей дали воду в прозрачном пластиковом стаканчике, она поднесла его к губам, но все тело сотрясалося, так что несколько капель упали на подбородок, вода стала стекать на блузку. Светловолосая женщина-полицейский с добрыми голубыми глазами подалась вперед и протянула ей салфетку.

Фэй медленно вытерлась. От воды на шелковой блузке останутся некрасивые пятна. Словно это имеет какое-то значение...

— *У вас нет никаких сомнений? Вообще никаких?*

Женщина-полицейский переглянулась с коллегой, потом покачала головой и ответила, тщательно подбирая слова:

— *Как я уже сказала: врач должен сделать заключение исходя из того, что обнаружено на месте преступления. Но на нынешнем этапе все указывает на одно: ваш бывший муж Як убил вашу дочь.*

Фэй закрыла глаза и подавила всхлип.

Жюльенна наконец-то заснула. Волосы разметались по розовой наволочке. Дыхание стало ровным. Фэй нежно погладила ее по щечке — осторожно, чтобы не разбудить дочь.

Сегодня вечером Як должен вернуться из Лондона. Или из Гамбурга? Фэй точно не помнила. Вернется уставший и задерганный, как всегда после деловой поездки, но она позаботится о том, чтобы он расслабился.

Осторожно закрыв дверь спальни, чтобы не разбудить Жюльенну, она выскользнула в холл и проверила, заперта ли входная дверь. В кухне провела рукой по столешнице. Три метра белого мрамора. Каррарского, ясное дело. К сожалению, это оказалось весьма непрактично, ибо пористый мрамор впитывал все, как губка, — на нем уже образовались некрасивые пятна. Однако Як и слышать не хотел о том, чтобы выбрать нечто более приземленное. Кухня в квартире на улице Нарвавеген обошлась примерно в миллион — не сэкономили ни на чем.

Потянувшись за бутылкой «Амароне», Фэй выставила на столешницу бокал. Стук бокала о мрамор, бульканье вина — вот к чему сводилось ее существование в те вечера, когда Як отсутствовал. Осторожно налив себе красного вина — чтобы оно не пролилось,

оставив очередное пятно на белой мраморной поверхности, — она закрыла глаза, поднося бокал ко рту.

Уменьшив освещение при помощи диммера, вышла в прихожую, где красовалась черно-белая фотография ее, Жюльенны и Яка. Снимок сделала Кате Габор — неофициальный придворный фотограф, которая каждый год делала новые обворожительные фотографии королевских детей, играющих среди осенних листьев в невероятно белой одежде. Они с Яком решили сделать летние фото. Оба стояли на пляже у кромки воды — веселые, раскрепощенные. Жюльенна — между ними, с растрепанными ветром светлыми волосами. Разумеется, все в белом. Сама Фэй — в простом льняном платье от «Армани», Як — в рубашке и закатанных штанах от «Хьюго Босс», Жюльенна — в кружевном платье из детской коллекции Стеллы Маккартни. Прямо перед фотосессией они поругались. Фэй уже не помнила, из-за чего, знала только, что сама была виновата. Но на портрете — никаких признаков ссоры.

Фэй поднялась по лестнице. Застыла у двери в кабинет Яка, но потом все же открыла ее. Комната располагалась в башне с видом на все четыре стороны света. «Уникальный план, уникальный дом», — как сказал маклер, показывавший им квартиру пять лет назад. Жюльенну она тогда носила под сердцем, а в голове теснились самые светлые картины будущего.

Эту комнату в башне Фэй очень любила. Открытое пространство и свет изо всех окон давали ей ощущение полета. А сейчас, когда за окнами повисла непроходимая тьма, смыкающиеся к потолку стены окружали ее, словно теплый кокон.

Кабинет обставляла она — как, впрочем, и всю квартиру. Выбирала обои, книжные шкафы, письменный стол, фотографии и произведения искусства на стенах. И Яку понравилось то, что она создала. В ее вкусе он никогда не сомневался, к тому же всегда без-

гранично гордился ею, когда гости просили телефон их дизайнера.

В эти мгновения он позволял ей сиять в лучах славы.

Если все остальные комнаты были обставлены в современном стиле — светлые и воздушные, — то кабинет Яка выглядел более тяжелым и мужественным. На обустройство этой комнаты Фэй потратила больше сил, чем на детскую для Жюльенны и все остальную квартиру, вместе взятые. Здесь Як будет проводить много времени, здесь будет принимать важные решения, влияющие на будущее их семьи. Самое малое, что она могла сделать, — создать для него этот оазис, почти под облаками.

Фэй с удовлетворением провела рукой по письменному столу Яка, который выиграла на аукционе Буковски, — когда-то он принадлежал Ингмару Бергману. Як был не особым ценителем Бергмана, предпочитая боевики с Джеки Чаном или комедии с Беном Стиллером, но ему, как и ей, нравились вещи с историей.

Когда они показывали квартиру гостям, он всегда похлопывал по столу ладонью и упоминал — как бы между делом, — что этот прекрасный предмет мебели стоял когда-то в доме всемирно известного кинорежиссера. Каждый раз, когда он так делал, Фэй улыбалась, потому что, произнося эти слова, Як обычно смотрел ей в глаза. Это было еще одно из тысячи мгновений, объединявших их в жизни. Эти доверительные взгляды, крошечные незначительные и значительные события, из которых складывались отношения...

Опустившись в кресло перед компьютером, Фэй повернулась вполоборота и оказалась лицом к окну. За стеклами падал снег, превращаясь где-то далеко внизу в грязь на асфальте. Подавшись вперед и глянув вниз, она увидела, как в темноте февральского вечера пробирается машина. На углу Банергатан во-

дитель повернул руль и исчез в направлении центра. На мгновение Фэй забыла, зачем пришла, почему сидит в кабинете мужа. Так легко раствориться в темноте, когда тебя гипнотизируют снежинки, падающие сквозь черноту...

Поморгав, она уселась прямо и вернула кресло в прежнее положение, оказавшись лицом к огромному монитору, тронула мышь — и экран ожил. На мгновение Фэй задалась вопросом, что Як сделал с ковриком для мыши, который она подарила ему на Рождество, — с фотографией ее и Жюльенны. Вместо этого у него был теперь некрасивый синий коврик с логотипом «Нордеа». Подарок клиентам, воспользовавшимся услугами персонального банковского обслуживания.

Пароль она знала — «Julienne2010». Во всяком случае, на экране в качестве заставки у него не «Нордеа», а та фотография, где он снял ее с Жюльенной в Марбелле. Они лежали в полосе прибоя, Фэй подняла дочь над собой на вытянутых руках, к синему небу. Обе смеялись, но смех самой Фэй скорее угадывался, поскольку она лежала на спине, а волосы ее рассыпались по песку. Синие глаза Жюльенны смотрели прямо в объектив фотоаппарата. В глаза Яка — такие же синие.

Подавшись вперед, Фэй оглядела свое тело на снимке — загорелое, глянцевое от соленой воды. Хотя после родов прошло всего несколько месяцев, она была в лучшей форме, чем сейчас. Живот плоский. Руки тонкие. Бедра стройные и упругие. Сейчас, спустя три года, она весила килограммов на десять больше, чем тогда в Испании. А то и на все пятнадцать. Давно уже она не решалась встать на весы...

Оторвав взгляд от своего тела на экране, Фэй открыла браузер, зашла в историю просмотров и написала в окошке поиска слово «порно». На экране один за другим появились ссылки, в хронологическом по-

рядке. Как легко отследить сексуальные фантазии Яка за последние месяцы! Просто энциклопедия его страстей. «Сексуальные фантазии для чайников».

26 октября он посмотрел два клипа: «Русских девчонок трахают большим членом» и «Тощую девчонку брутально трахают». Как ни относишься к порноиндустрии, но названия фильмов были предельно конкретными. Никаких экивоков. Никаких попыток приукрасить, смягчить, затушевать то, что будет показано и чего ищет потенциальный зритель. Прямой диалог, открытая и честная коммуникация.

Сколько она его помнит, Як всегда смотрел порнуху — да она и сама иногда смотрела, когда оставалась одна. Фэй презирала подруг, которые утверждали, что их мужьям и в голову не пришла бы мысль смотреть порно. Типичный пример психологического механизма вытеснения.

Прежде увлечение Яка порнографией не влияло на их интимную жизнь. Мужа хватало и на то, и на это. Но теперь он больше не приходил к ней, хотя продолжал искать удовлетворения у «тощих девчонок».

Спазм в животе нарастал с каждым клипом. Девочки были все, как на подбор, юные, стройные и покорные. Яку всегда нравились молодые и стройные. Не он изменился — изменилась она. Разве не таких женщин хочет большинство мужчин? Когда живешь в Эстермальме¹, о старении и прибавке веса даже речи быть не может. Во всяком случае, если ты — женщина.

В последний месяц Як раз семь-восемь смотрел один и тот же клип. «Школьницу брутально трахает учитель». Фэй нажала на «воспроизведение». Совсем юная девчушка в короткой клетчатой юбочке, белой рубашке, галстукe, гольфах и косичках в духе Пеппи Длинныйчу-

¹ Эстермальм — один из самых фешенебельных районов Стокгольма. — *Здесь и далее прим. пер.*

лок страдает от проблем в школе. Самые большие трудности у нее с биологией. Встревоженные ответственные родители нанимают ей репетитора и оставляют ее одну дома. В дверь звонят. Появляется мужчина лет сорока, в пиджаке с заплатками на локтях, с портфелем в руке. Они заходят в светлую просторную кухню. Девочка приносит учебники, открывает на нужной странице. Они повторяют мышцы человеческого тела.

— Я буду называть мышцы, а ты будешь показывать их на себе — справишься? — говорит учитель бархатным голосом.

Девочка делает большие глаза, кивает и оттопыривает губки. Две мышцы она показывает правильно. Когда он называет *gluteus maximus* — большую седалищную мышцу, девочка слегка приподнимает юбочку, так что в кадре виднеется кружево на трусиках, и показывает внешний край паховой складки. Учитель с улыбкой качает головой.

— Встань, я покажу, — говорит он.

Она отодвигается вместе со стулом и встает. Он протягивает свою большую руку и медленно ведет ею по ноге девочки от колена вверх, под юбку. Задирает юбку еще выше и отводит в сторону край трусиков. Заводит туда палец. Девочка стонет. Идеальный порностон. Однако с намеком на изумленную невинность и легкое чувство вины. Признание зрителю, что она понимает — ей не следует так себя вести. Это запрещено. Но она не может сдержаться. Искушение слишком велико, чтобы устоять.

Он вводит в нее палец и движет им туда-сюда. Потом кладет ее на стол и трахает. Она кричит, стонет, царапает стол. Просит еще. Все заканчивается тем, что он просит ее снова надеть очки — упавшие в процессе — и кончает ей на лицо. С лицом, искаженным от наслаждения, и полуоткрытым ртом школьница принимает в себя сперму.

Где еще, как не в порнофильмах, с такой ясностью показано, как высоко мужчины ценят свою сперму. Ее выдают исполненным страсти, восторженным женщинам с полуоткрытыми ртами, словно самый драгоценный дар.

Фэй выключила компьютер, кликнув пару раз мышью по уродливому коврику с логотипом «Нордеа». Если Яку нужно такое, то он это получит.

В гардеробной у Фэй нашлось все необходимое. Она взглянула на часы. Половина десятого. Самолет Яка вот-вот приземлится, скоро муж сядет в такси. Само собой, в Арланде у него VIP-класс обслуживания, так что от аэропорта он доберется быстро.

Она быстро приняла душ и сбрила небольшую щетину на лобке. Ополоснув все тело, накрасилась — не так, как делала это обычно, а небрежнее, по-молодежному. Обильно нарумянила щеки, не пожалела туши и — как вишенка на торте — обвела губы ярко-розовой помадой, которую нашла на дне ящичка с косметикой и которую наверняка получила в пакетике с рекламной продукцией на каком-то мероприятии.

Як получит не ее — не Фэй, свою жену, мать своего ребенка, — а другую, молодую, нетронутую. Как раз то, что ему нужно.

Выбрав один из тонких серых галстуков Яка, Фэй завязала его небрежным узлом. Надела очки для чтения, которыми он стеснялся пользоваться при других и потому прятал, когда к ним приходили гости. Прямоугольные, черные, от «Дольче и Габбана». Фэй оглядела в зеркале конечный результат. Она выглядела на десять лет моложе. Такой она была, когда уезжала из Фьельбаки.

Ничья жена. Ничья мать. Идеально.

Фэй проскользнула в комнату Жюльенны, чтобы взять одну из ее тетрадок и карандаш с розовой бахромой. На мгновение замерла, когда дочь забормотала

во сне. Проснулась?.. Нет, вскоре вновь послышалось размеренное дыхание.

Фэй зашла в кухню, чтобы подлить себе еще вина, но потом остановилась и выдвинула ящик с пластиковыми стаканчиками Жюльенны. Достала большую кружку с крышкой и трубочкой и с изображением Хэллоу Китти на боку, налила себе в нее красного вина. Супер.

Когда в замке повернулся ключ, Фэй сидела и листала «Экономист» — журнал, который Як упорно клал на видном месте. В семье его читала только она.

Як поставил на пол чемодан, снял ботинки и засунул в них кедровые колодки, необходимые, чтобы сохранить форму его итальянских ботинок ручной работы из мягкой кожи. Фэй сидела неподвижно. В отличие от ее обычного сдержанного блеска для губ от «Ланком», розовая помада прилипла к губам и издавала синтетический запах.

Як осторожно открыл холодильник. Ее он все еще не заметил. Двигался тихо — видимо, думал, что они с Жюльенной спят.

Фэй наблюдала за ним со своего места в неосвещенной гостиной. Как посторонний, заглядывающий в окно, она могла наблюдать за мужем, когда тот не подозревал об этом. Обычно Як всегда пребывал в напряжении. Сейчас, когда думал, что его никто не видит, он и двигался по-другому — раскрепощенно, почти небрежно. Его обычно такая статная фигура слегка ссутулилась — не сильно, но достаточно, чтобы жена, так хорошо его знавшая, заметила разницу. Лицо разгладилось, исчезла озабоченная морщинка, которая в последнее время все чаще появлялась между бровей — в том числе и в ситуациях неформального общения, так тесно связанных с его карьерой, с их жизнью, где смех и звон бокалов могли привести к многомиллионной сделке, заключенной на следующий день.

Она вспомнила Яка молодым, когда они только-только познакомились. Лукавый взгляд, радостный смех, ненасытные руки, постоянно прикасавшиеся к ней...

Свет из холодильника осветил лицо Яка — Фэй не могла оторвать от него глаз. Она любила его. Любила его широкие плечи. Любила его большие руки, которые сейчас взяли пакет с соком и поднесли ко рту. Скоро они будут прикасаться к ней... Боже, как она соскучилась!

Вероятно, от вожделения Фэй слегка пошевелилась, потому что муж внезапно повернулся лицом к блестящей дверце духовки и увидел отражение ее фигуры. Вздрогнув, он резко обернулся, все еще держа в руке пачку сока. Потом отставил ее на кухонный островок.

— Ты не спишь? — спросил он. Между его красивых бровей вновь пролегла морщинка.

Фэй не ответила, молча поднялась и приблизилась к нему. Его взгляд скользил по ее телу. Давно он не смотрел на нее такими глазами.

— Иди сюда, — мягко проговорила она.

Як закрыл дверь холодильника, и кухня вновь погрузилась во мрак. Но свет огней города освещал все достаточно, чтобы они могли видеть друг друга. Обогнув кухонный островок, он обтер губы тыльной стороной ладони и наклонился, чтобы поцеловать жену. Но Фэй отвернула лицо и силой усадила его на стул. Сейчас дирижировать будет она. Оттолкнула его руку, потянувшуюся к ее юбке, и в следующую секунду приложила его ладонь к своим коленям. Задрала юбку, чтобы муж мог увидеть ее кружевные трусики в надежде, что он их узнает — увидит, что они такие же, как у той, юной и невинной.

Его рука скользнула вверх, и она не смогла сдерживать стон. Вместо того чтобы отодвинуть трусики

в сторону, как в фильме, Як сорвал их. Она снова застонала, уже громче, склонилась к столу, выгнула спину, пока он расстегивал брюки, стянув их вниз одним рывком вместе с трусами. Взяв ее за волосы, пригнул ниже к столу. Налег на нее всей своей тяжестью, целуя и кусая ее в затылок — она ощутила запах апельсинового сока, смешанного с виски из самолета, — решительным движением раздвинул ее ноги, встал позади и вошел в нее.

Як брал ее сурово и агрессивно, и с каждым толчком край стола врезался ей в диафрагму. Он делал ей больно, но боль казалась облегчением, заставлявшим ее забыть обо всем, сосредоточиться на наслаждении.

Она принадлежит ему. Ее наслаждение принадлежит ему. Все ее тело принадлежит ему.

— Скажи, когда будешь кончать, — простонала Фэй, прижимаясь щекой к холодной крышке стола, на которой остались липкие следы от помады.

— Сейчас, — пропыхтел Як.

Она встала перед ним на колени. Тяжело дыша, он ввел свой член ей в рот. Схватив ее за затылок обеими руками, стал протискиваться глубже. Борясь с рвотным рефлексом, Фэй изо всех сил старалась не отвернуть голову. Принимать. Всегда покорно принимать.

Она видела перед собой сцену из порнофильма и, когда Як кончил, с наслаждением увидела на его лице то же выражение, которое было у учителя, когда он брал юную невинную девочку.

— Добро пожаловать домой, мой дорогой, — проговорила Фэй с вымученной улыбкой.

Это был один из последних случаев их интимной близости в браке.